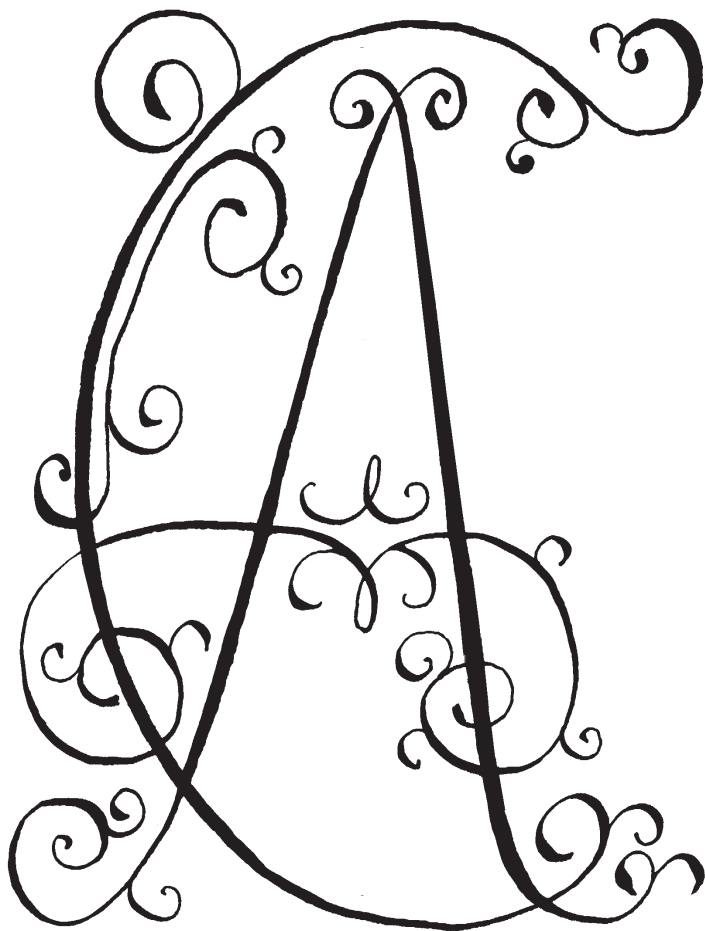

СЛАВЯНСКИЙ АЛЬМАНАХ

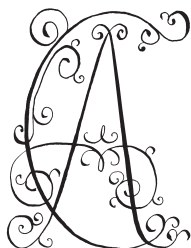
2012

Министерство образования и науки
Российской Федерации

Российская академия наук
Институт славяноведения

СЛАВЯНСКИЙ АЛЬМАНАХ

2012

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИНДРИК»
Москва 2013

УДК 94(367)
ББК 63.3(4)
С 47

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Т. И. Вендина, профессор, доктор филологических наук
К. В. Никифоров, доктор исторических наук,
директор Института славяноведения РАН (отв. редактор)
М. А. Робинсон, доктор исторических наук
Н. Н. Старикова, доктор филологических наук
А. Л. Шемякин, доктор исторических наук

Ученый секретарь:

Е. П. Аксенова, кандидат исторических наук

Славянский альманах 2012. – М.: Индрик, 2013. – 504 с.

ISSN 2073-5731

Семнадцатый выпуск альманаха содержит материалы международной научной конференции «Славянский мир: общность и многообразие», а также других научных форумов, проходивших в Дни славянской письменности и культуры в 2012 г. в Москве. Традиционные разделы альманаха включают статьи по актуальным проблемам истории, литературы, культуры и языка славянских народов от эпохи Средневековья до современности. Книга рассчитана как на специалистов, так и на широкий круг читателей.

The 17th volume of the miscellany contains materials of the international research conference «Slavic World: Community and Variety» as well as other research forums which took place during the Days of Slavic Writings and Culture in Moscow in 2012. Traditional parts of the miscellany include articles on actual problems of history, literature, culture and languages of Slavic peoples from Middle Ages till nowadays. The book is designed both for specialists and for a broad circle of readers.

ISSN 2073-5731

© Институт славяноведения РАН, 2013
© Коллектив авторов, 2013
© Издательство «Индрик», 2013

Содержание

От редколлегии	11
----------------------	----

Пленарное заседание

<i>Петрухин В. Я. (Москва). Призвание варягов и кирилло-мефодиевская традиция</i>	12
<i>Первушин М. В. (Москва). К вопросу о миссионерской методологии святого равноапостольного Кирилла</i>	21
<i>Ефимова В. С. (Москва). О проблеме дифференциации старославянского лексического инвентаря (в поисках кирилло-мефодиевских переводов)</i>	29

История

<i>Турилов А. А. (Москва). О датировке и происхождении двух сербских пергаменных списков Святосавской Кормчей</i>	43
<i>Акимов А. А. (Москва). Модель формирования государственной власти в памятниках письменности раннесредневековых славянских государств на Западе Балкан</i>	63
<i>Неменский О. Б. (Москва). Свв. Кирилл и Мефодий как крестители Руси в православной и униатской мысли Речи Посполитой в первой половине XVII в.</i>	78
<i>Запольский И. А. (Москва). «Те, кто не идет на войну, считаются бесчестными трусами»: особенности самосознания усюков во второй половине XVI в.</i>	87
<i>Бараньска А. (Люблин). Федор Кузьмич – сибирская жизнь после смерти императора Александра I. История легенды</i>	97
<i>Мольнар Л. В. (Будапешт). Венгрия в путевых заметках русских путешественников эпохи наполеоновских войн</i>	114
<i>Ващенко М. С. (Москва). Россия в 1880-е гг. глазами Франьо Рачки и Лайоша Таллоци</i>	131
<i>Струнина Н. Г. (Москва). Из истории российско-черногорских отношений: визиты Николы Петровича-Негоша в Россию</i>	142
<i>Ждановская А. А. (Москва). Образ немцев в чешской сатирической печати (80–90-е гг. XIX в.)</i>	159
<i>Латтева Л. П. (Москва). Г. А. Ильинский о славянофильстве</i>	175

<i>Шемякин А. Л. (Москва). «Партия нового типа». Особенности сербского радикализма (конец XIX – начало XX в.)</i>	183
<i>Дронов М. Ю. (Москва). К вопросу об этнокультурном облике греко-католического духовенства на территории современной Словакии (XIX – начало XX в.)</i>	201
<i>Ракитянский О. В. (Москва). Украинская военная организация: в поисках «автора»</i>	213
<i>Шкаровский М. В. (Санкт-Петербург). Влияние русской церковной эмиграции на славянские страны в 1920–1940-е гг.</i>	227
<i>Тимофеев А. Ю. (Белград). Деятельность «Союза советских патриотов» в Сербии в период Второй мировой войны</i>	241
<i>Новосельцев Б. С. (Москва). Югославо-американские отношения в начале 1960-х гг.</i>	258
<i>Майорова О. Н. (Москва). Нарастание протестного потенциала в польском обществе в первой половине 1970-х гг.</i>	275
<i>Валева Е. Л. (Москва). Государственная политика Болгарии в отношении турецкой этнической общности (1980-е гг.)</i>	292

История культуры

<i>Фролова М. М. (Москва). Московский (Чертковский) список «Истории славяноболгарской» Паисия Хилендарского</i>	309
<i>Щавинская Л. Л. (Москва). «Обратить... внимание самих Белорусцев»</i> ...	323
<i>Старикова Н. Н. (Москва). О некоторых особенностях постмодернизма в южнославянских литературах</i>	333
<i>Лунькова Н. А. (Москва). Повести 1970-х и рассказы 1990-х гг. Станислава Стратиева: к проблеме жанра</i>	342
<i>Амелина А. В. (Москва). Творчество Яна Вайсса и подходы к его изучению</i>	352
<i>Агапкина Т. А. (Москва). Символика деревьев в традиционной культуре славян: тис (<i>Taxus baccata</i>)</i>	365
<i>Ващенко (Анисимова) Д. Ю. (Москва). Сопоставительный анализ этнолингвистических материалов из венгерских сел Федемеш и Шашка</i>	376

Языкознание

<i>Вендина Т. И. (Москва). Современное состояние славянских диалектов в свете новых данных Общеславянского лингвистического атласа</i>	391
--	-----

<i>Синица Н. А. (Екатеринбург). Языковой образ священнослужителя в русской и польской традициях (рус. <i>non</i>, польск. <i>ksiądz</i>)</i>	410
--	-----

Публикации

<i>Стыкалин А. С. (Москва). Венгерские земли в 1814 г. глазами русского офицера. Из путевых записок А. И. Михайловского-Данилевского</i>	425
<i>Соколовская О. В. (Москва). Письма греческой королевы Ольги к императору Александру III</i>	434
<i>Ганин А. В. (Москва). Болгары – выпускники Николаевской военной академии в Гражданской войне в России</i>	450

Рецензии

<i>Узенева Е. С. (Москва). Этюды о болгарской этнолингвистике</i>	468
<i>Серационова Е. П. (Москва). Новое исследование о жизни и деятельности Н. Л. Окунева</i>	475
<i>Королькова П. В. (Москва). Литературный лексикон южнославянских народов</i>	479

Хроника

<i>Билек Я. (Прага). Конференция «Славянский мир – общность и многообразии»</i>	484
<i>Седакова И. А. (Москва). Юбилейная конференция в Софии: 70 лет Институту болгарского языка им. Любомира Андрейчина</i>	486
<i>Дронов М. Ю. (Москва). Четвертое заседание Комиссии историков России и Словакии. Международная конференция «Социальные последствия войн и конфликтов XX века: историческая память»</i>	492
Сведения об авторах	496

Content

From the Editorial Board	11
--------------------------------	----

Plenary Meeting

<i>Petrukhin V. Ya. (Moscow)</i> . The Invitation of Varangians and the Tradition of St Cyril and Methodius	12
<i>Pervushin M. V. (Moscow)</i> . On the Missionary Methods of St Cyril Equal to the Apostles	21
<i>Efimova V. S. (Moscow)</i> . On the Problem of Differentiation of the Old Slavonic Lexical Inventory (in the Search for Translations by St Cyril and Methodius)	29

History

<i>Turilov A. A. (Moscow)</i> . On the Dating and Provenance of Two Serbian Parchment Copies of the Book of Canons (Kormchaya) of St Sabas	43
<i>Akimova O. A. (Moscow)</i> . A Model of Shaping of the State Authority in the Written Documents of the Early Medieval Slavic States in the West of the Balkans	63
<i>Nemensky O. B. (Moscow)</i> . St Cyril and Methodius as the Baptizers of Russia in Orthodox and Unitarian Ideas of Rzecz Pospolita in the First Half of the Seventeenth Century	78
<i>Zapolsky I. A. (Moscow)</i> . «Those Who Do Not Go for a War are Treated as Dishonourable Cowards»: the Specific of the Uskoks' Self-Perception in the Second Half of the Sixteenth Century	87
<i>Baranska A. (Lublin)</i> . Fedor Kuzmich – the Siberian Life after the Death of Emperor Alexander I. The History of the Legend	97
<i>Molnar L. V. (Budapest)</i> . Hungary in the Travel Notes of Russian Travellers of the Epoch of the Napoleonic Wars	114
<i>Vashchenko M. S. (Moscow)</i> . Russia in 1880s from the Point of View of Franjo Rački and Lajos Thallóczy	131
<i>Strunina N. G. (Moscow)</i> . From the History of the Russian-Montenegrin Relations: Visits of Nikola Petrović-Njegoš to Russia	142

<i>Zhdanovskaya A. A. (Moscow). The Image of Germans in the Czech Satirical Publications (1880s–90s)</i>	159
<i>Lapteva L. P. (Moscow). G. A. Iliinsky on the Slavophilism</i>	175
<i>Shemiakin A. L. (Moscow). «Party of a New Type». The Specific of Serbian Radicalism (the End of the Nineteenth – the Early of the Twentieth Century)</i>	183
<i>Dronov M. Yu. (Moscow). On the Ethnocultural Image of Greek Catholic Clergy on the Territory of the Contemporary Slovakia (the Nineteenth – the Early Twentieth Century)</i>	201
<i>Rakityansky O. V. (Moscow). The Ukrainian Military Organization: in the Search for the «Author»</i>	213
<i>Shkarovsky M. V. (Saint Petersburg). The Influence of the Russian Clerical Emmigration on the Slavic Countries in 1920–1940s</i>	227
<i>Timofeev A. Yu. (Beograd). The Activity of the «Union of Soviet Patriots» in Serbia in the Period of the Second World War</i>	241
<i>Novoseltsev B. S. (Moscow). The Yugoslav-American Relations in the Early 1960s</i>	258
<i>Maiorova O. N. (Moscow). The Growth of the Protest Potential in the Polish Society in the First Half of 1970s</i>	275
<i>Valeva E. L. (Moscow). The State Policy of Bulgaria to the Turkish Ethnic Community (1980s)</i>	292

History of Culture

<i>Frolova M. M. (Moscow). The Moscow (Chertkov's) Copy of «The History Slavic-Bulgarian» by Paisius of Hilandar</i>	309
<i>Shchavinskaya L. L. (Moscow). «Put... an Attention of Those Belorussians»</i>	323
<i>Starikova N. N. (Moscow). On the Certain Features of Postmodernism in Southern Slavic Literatures</i>	333
<i>Lunkova N. A. (Moscow). Narratives of the 1970s and Short Stories of the 1990s by Stanislaw Stratiev: on the Problem of Genre</i>	342
<i>Amelina A. V. (Moscow). The Works by Jan Weiss and the Approaches to Its Studying</i>	352
<i>Agapkina T. A. (Moscow). The Symbolism of Trees in the Traditional Culture of Slavs: Yew (<i>Taxus baccata</i>)</i>	365
<i>Vashchenko (Anisimova) D. Yu. (Moscow). The Comparative Analyses of Ethnolinguistic Materials from Hungarian Villages of Fedémes and Sáska</i>	376

Linguistics

<i>Vendina T. I. (Moscow)</i> . The Contemporary State of Slavic Dialects in the Perspective of the New Data of the All-Slavic Linguistic Atlas	391
<i>Sinitsa N. A. (Yekaterinburg)</i> . The Image of Cleric in the Russian and Polish Language Traditions (Rus. <i>Pop</i> , Pol. <i>Ksiądz</i>)	410

Publications

<i>Stykalin A. S. (Moscow)</i> . The Hungarian Lands in 1814 from the Point of View of a Russian Officer. From the Travel Notes of A. I. Mikhailovsky-Danilevsky	425
<i>Sokolovskaya O. V. (Moscow)</i> . Letters by Greek Queen Olga to Emperor Alexander III	434
<i>Ganin A. V. (Moscow)</i> . Bulgarians – Graduates from the Nicholas Military Academy in the Civic War in Russia	450

Reviews

<i>Uzeneva E. S. (Moscow)</i> . Sketches on the Bulgarian Ethnolinguistics	468
<i>Serapionova E. P. (Moscow)</i> . A New Research of the Life and Activity of N. L. Okunev	475
<i>Korolkova P. V. (Moscow)</i> . The Literary Vocabulary of the Southern Slavic Peoples	479

Chronicle

<i>Bilek J. (Prague)</i> . The Conference «The Slavic World – Community and Variety»	484
<i>Sedakova I. A. (Moscow)</i> . The Jubilee Conference in Sofia: 70 Years of the Institute of Bulgarian Language named after Liubomir Andreichin	486
<i>Dronov M. Yu. (Moscow)</i> . The Fourth Meeting of the Commission of Historians of Russia and Slovakia. International Conference «The Social Consequences of Wars and Conflicts of the Twentieth Century: the Historical Memory»	492
Information about the Authors	500

От редколлегии

Традиционно 24 мая, в день памяти свв. Кирилла и Мефодия в России широко отмечается День славянской письменности и культуры. Наряду с другими праздничными мероприятиями каждый год проводится международная научная конференция и круглые столы, посвященные славянской проблематике. Начиная с 1996 г. такие конференции проходили в Костроме, Орле, Ярославле, Пскове, Рязани, Калуге, Новосибирске, Воронеже, Самаре, Ростове-на-Дону, Ханты-Мансийске, Коломне, Твери, Саратове, Москве. Материалы этих конференций опубликованы в шестнадцати выпусках «Славянского альманаха», который выходит ежегодно к Дню славянской письменности и культуры.

С 2010 г. центром праздника является Москва, где проходят основные мероприятия Дня славянской письменности и культуры. В рамках этих мероприятий в 2012 г. была проведена международная научная конференция «Славянский мир: общность и многообразие», организованная Институтом славяноведения РАН. Материалы конференции и других аналогичных научных встреч вошли в состав семнадцатого выпуска «Славянского альманаха». Статьи, помещенные в альманахе, отражают актуальные проблемы истории, литературы, культуры и языка славянских народов в разные исторические эпохи.

Материалы альманаха, сохраняющего традиционную структуру, представлены в разделах: «Пленарное заседание», «История», «История культуры», «Языкознание», «Публикации», «Рецензии», «Хроника». Статьи сопровождаются краткими аннотациями и ключевыми словами на русском и английском языках. В конце тома приводятся сведения об авторах, которые даются, как и содержание, также на двух языках.

Редколлегия «Славянского альманаха» выражает надежду, что ежегодник будет способствовать дальнейшему всестороннему, углубленному изучению славянских народов, распространению и координации научных знаний о славянском мире, а также укреплению межславянских научных и культурных связей.

В. Я. Петрухин
(Москва)

Призвание варягов и кирилло-мефодиевская традиция

В статье рассматривается история имени Русь (Русская земля) – нейтрального в этническом отношении. Это имя оказалось устойчивым «концептом» в истории Восточной Европы, благодаря культурной и культовой составляющей. «Русская вера» и русский язык, в основе которых была кирилло-мефодиевская традиция, способствовали сохранению этого имени и самосознания.

Ключевые слова: *варяги, кирилло-мефодиевская традиция, начальное летописание.*

Легенда о призвании варяжских князей, помещенная составителем «Повести временных лет» (ПВЛ) конца XI в. в статью 862 г., вызывает традиционный скептицизм как в отношении содержания*, так и в отношении датировки. Действительно, романтические попытки отыскать следы дохристианских русских летописей оставлены современной наукой: у составителя ПВЛ были источники, определенные еще А. А. Шахматовым – византийский хронограф и созданное последователями Кирилла и Мефодия «Сказание о преложении книг на словенский язык». Точных дат в источниках русского летописца не было, Русь не входила в состав народов, первыми получивших словенскую письменность, но византийская традиция сохранила известие о походе Руси на Царьград, состоявшемся в царствование Михаила III (842–867), и это давало возможность составителю ПВЛ найти точку отсчета – начало русской истории (ср. Шахматов 1947. С. 153) и «развернуть» события таким

* См. переизданную работу Я. С. Лурье (Лурье 1966/2011. С. 13–17), демонстрирующую бесосновательность монархических официозных стереотипов старой историографии, усматривающей в летописной легенде свидетельство «добровольного предания под спасительную власть самодержавия». «Сочинение таких легенд, – настаивает историк, типично для представителей власти». В более поздней работе, в связи с потребительским подходом А. Г. Кузьмина к летописным текстам, Я. С. Лурье признает «фольклорно-эпические» основания древнейших летописных сказаний (Лурье 2011. С. 60–62).

образом, который казался естественным для историка XI в. С этой точки зрения поход требовал объединенных усилий всей Русской земли – первым делом Киева и Новгорода (как это было во время последнего похода Руси в 1043 г.), стало быть, нужно было уместить в летописи повествование о начале русской истории, отталкиваясь от конца правления Михаила. Летописец поместил под 866 г. известие о походе на Царьград Аскольда и Дира из Киева, изобразив их боярами призванного в Новгород князя Рюрика, от 866 г. отсчитал время, необходимое, чтобы добраться из Новгорода до Киева и собрать там войско для похода – отсюда юбилейная дата 862 г. (близкая к реальной дате первого похода руси на Царьград в 860 г.).

Царствование Михаила ознаменовано, однако, еще одним событием, привлечшим, пожалуй, не меньший интерес летописца, чем призвание князей. Это было призвание Константина и Мефодия к дунайским славянам, в Моравию*. То был некий летописный *топос*, ибо слова варяжской легенды: «Земля наша велика и обильна, а наряда в ней нѣтъ. Да пойдѣте княжить и володѣти нами» (ПВЛ. С. 13), соответствовали формуле призвания учителей – «Земля наша крещена, и нѣсть у насъ учителя, иже бы наказалъ и поучалъ насъ» (ПВЛ. С. 15). «Историческая» дата призвания учителей остается неизвестной, и сам текст «Сказания о преложении книг» оказался парадоксальным образом перенесен из контекста летописных известий, связанных с царствованием Михаила, в контекст иного царствования Льва и Александра в летописную статью 898 г. В «Повести временных лет» угадывается место, где должен был быть помещен рассказ о кирилло-мефодиевской миссии: в лишенном погодных дат космографическом введении к летописи после рассказа о расселении славянских племен содержится фраза «и тако разидеся словѣньский языкъ, тѣмъ же и грамота прозвася словѣньская» (ПВЛ. С. 8).

Далее, однако, в тексте летописи следует вставка, повествующая о полянах, пути из варяг в греки и путешествии по нему апостола Андрея через будущие Киев и Новгород. Перекройка летописного текста представляется не менее очевидной и потому, что рассказ о моравской миссии в статье 898 г. предваряется информацией о расселившихся по Дунаю словенах, которых подчинили венгры (угры): «морава, и чеси, и поляне, яже нынѣ зовомая Русь» (ПВЛ. С. 15).

* Воздействие на древнейшую русскую книжность кирилло-мефодиевской (в том числе моравской) традиции постулировалось большинством славистов от В. В. Ягича до Н. И. Толстого (см.: Толстой Н. И. 1998. С. 43–48, 100).

Последний пассаж вызывал энтузиазм сторонников славянского – *полянско*го – происхождения имени русь, усматривавших в переключке летописного текста злостный умысел редактора летописи, подменившего исконную версию автохтонного славянского происхождения руси «реакционной норманской теорией» о ее заморском – варяжском – происхождении. Этот энтузиазм безоснователен, поскольку рассказ о моравской миссии завершается утверждением, совпадающим с «резюме» варяжской легенды: «А словенский языкъ и руский одно есть, от варягъ бо прозвашася Русью, а первое бѣша словене» (ПВЛ. С. 16), *русью* поляне прозвались «ныне» – уже ко времени составления летописи.

И все же что-то заставило летописца пойти на вопиющий анахронизм и переместить рассказ о моравской миссии под 898 г. «Формально» контекст статьи 898 г. давал повод для поминания миссии солунских братьев, ибо речь шла о походе венгров-угров мимо Киева, где обосновался со своими варягами и словенами Вещий Олег, к Угорским горам – Карпатам и далее – в Моравию, Фракию и Македонию, вплоть до самой Солуни. В схожей последовательности распространялась и славянская грамота: «Симъ бо первое преложены книги моравѣ, яже прозвася грамота словѣньская, яже грамота есть в Руси и в болгарѣхъ дунайскихъ» (ПВЛ. С. 15).

Итак, проблема была в появлении «словенской грамоты» на Руси, и она встала перед летописцем, когда он нашел в княжеском архиве договор руси с греками, заключенный Олегом с кесарями Львом и Александром в 911 г. после легендарного похода руси на Царьград. С тех пор целый комплекс проблем стоит и перед исследователями летописи и самого договора: дата языка договора (относящегося к XI в., по мнению В. М. Истрина) и наличие «синхронного» славянского (болгарского, как думал еще С. П. Обнорский – ср. Обнорский 1960. С. 99–120; Успенский 2002. С. 45–46) перевода 911 г. остаются предметом дискуссии (ср. Ларин 2005. С. 27–63; Рождественская 1997). Вместе с тем список послов, заключающих договор, – «мы от рода рускаго, Карлы, Инегельдъ, Фарлоф, Веремуд, Рулавъ» и т. д. – свидетельствует о сохранении «варяжского» ономастикона в *славянской передаче* (ПВЛ, С. 18; ср. предположение о том, что русская часть договора представляла собой протокол – запись речей послов: Ларин 2005. С. 28–63); более того, летописец оперировал этими именами при создании «предварительного» договора 907 г., сократив список послов; так или иначе, у составителя ПВЛ были все основания считать, что словенская грамота стала доступной варяжской руси уже

при Олеге, задолго до крещения при Владимире и «списания» книг при Ярославе (Ларин 2005. С. 27–63). Отсюда стремление летописца сблизить *русь* и дунайских славян, вплоть до отождествления (этимологически – посредством омонимии) полян Великопольши и киевских полян, «яже ныне зовомая Русь», и помещение рассказа о моравской миссии в контекст правления Олега на Руси, Льва и Александра – в Византии.

Насколько упомянутые варяги Карл(ы), Инегелд, Фарлоф и прочие могли овладеть тем словенским языком, которому суждено было стать русским? Словене еще противопоставлялись руси в описании похода Олега на Царьград; но перед рассказом о драгоценных парусах, которые были даны (получены у греков) руси, но не даны словенам, летописец утверждает, что мужи Олега «по Рускому закону кляшася оружием своимъ, и Перуном, богомъ своим, и Волосомъ скотьемъ богомъ» (ПВЛ. С. 17). Оба божества были славянскими и даже праславянскими (Иванов, Топоров 1974), стало быть, «русский закон» ориентировался на обычаи славян (варяжской могла быть разве что клятва на оружии – ср. Мансикка 2005. С. 281–294; Фетисов 2009. С. 295–314), скандинавские боги Один, Тор и Фрейр остались за морем.

Это позволяет нам вернуться к варяжской легенде, утверждающей, что варяжские князья были призваны править «по ряду, по праву» (согласно ипатьевскому варианту легенды – ПСРЛ. Т. II. Стб. 14), то есть в соответствии с формирующейся словенской – новгородской, но не киевской традицией, на чем специально настаивает В. Л. Янин (2004. С. 10 и сл.; на оправданность такого подхода указывал еще А. А. Шахматов – Шахматов 2002. С. 206). Почему, в таком случае, в славянском и международном праве, равно как и в этнической истории распространилось заморское имя *русь*? Дело в составе призывающих племен: словене, кривичи, чудь и меря. Недаром словене прозвались, согласно летописи, «своим» дунайским именем, расселившись рядом с чудью – «чужим» языком. Возможна ли была, при традиционной для родоплеменного общества розни, некая межплеменная конфедерация, объединявшая славяно- и финноязычные племена, и призывавшая варягов, согласно концепции В. Т. Пашуто (Пашуто 2008. С. 167–177)? Археология демонстрирует совместное проживание выходцев из разных финских и славянских земель, из Прибалтики и Скандинавии в формирующихся в Поволховье городских центрах. Это Ладога (с VIII в.) и Новгород (Городище, с сер. IX в.): в историографии продолжается полемика по поводу того, мож-

но ли считать эти поселения городами, каковыми их называет летопись, или корректнее говорить (в соответствии с традициями формационного подхода) о «предгородах», «протогородах» и т. п. Весьма показательная категория археологических находок позволяет ответить на этот вопрос. Речь идет о кладах восточных монет IX в., обнаруженных в Ладоге и на Городище. Наличие кладов арабских дирхемов свидетельствует не только об участии населения Поволховья в трансконтинентальной торговле: оно свидетельствует о накоплении того *прибавочного продукта*, который перераспределялся на поселениях, которые в соответствии с тем же формационным подходом должны считаться городами (Петрухин 2008).

Трансконтинентальная торговля, благодаря которой потоки арабского серебра на рубеже VIII и IX вв. достигли севера Восточной Европы и Скандинавии, во многом объясняет (усилиями нумизматов) историческую ситуацию в этих регионах. Возможности этой торговли открылись во второй половине VIII в., когда прекратились арабо-хазарские войны. Тогда некие купцы *ар-рус* двинулись со своими товарами (мехами и рабами) на рынки Ближнего Востока и Византии, используя славян как переводчиков (по данным Ибн Хордадбега, относящимся к 840 или 880 гг.). Трансконтинентальные маршруты (по рекам Восточной Европы) были освоены еще в эпоху Великого переселения народов славянами, готами и герулами, в то время как движение Каролингов, естественно, не желавшей пропускать начавших свои разрушительные рейды викингов к международным рынкам, продавать им оружие и т. п. Не удалась и попытка пройти по Рейну через империю Каролингов «послам народа Рос» в 839 г. (согласно Бертинским анналам), когда император Людовик Благочестивый, узнавший, что они происходят из «народа свеонов», задержал их как шпионов викингов.

Это во многом предопределило различие между викингами на западе и русью на востоке Европы. Слово *викинг* – «участник похода на морских судах» – отразилось в славянских языках благодаря взаимодействию с пруссами на Балтике: прусская элита восприняла это слово как *витинг* в качестве самоназвания, что в славянских языках дало слово *витязь*. В Восточной Европе выходцы из Скандинавии (преимущественно из Средней Швеции) именовали себя *русью*. В «автохтонистской» официозной историографии продолжают бесконечные попытки привязать это слово к восточноевропейским или по крайней мере славянским (лишь бы не скандинавским) общностям или реалиям (вроде речки Рось в Поднепровье, о. Рюген на Балтике,

ругиев на Дунае и т. п.), хотя со времен Г. Ф. Миллера известно, что в прибалтийско-финских языках, в том числе в языке призывавшей варяжскую русь чуди, Швеция именуется Ruotsi/Rootsi, что в славянском дает имя *русь*. Значение этого имени также известно со времен В. Томсена (Томсен 1891/2002. С. 197) – оно означает «гребцов», «участников похода на гребных судах»: на иных судах по рекам Восточной Европы и через волоки пройти было невозможно (ср. Петрухин 2011. С. 67–72; Буайе 2012. С. 158; **Varenius 1999**). Это дружинное значение сохраняется в древнейшем русском документе – договоре Олега с греками, заключенном послами «от рода рускаго» от имени «всей руси» (ПВЛ. С. 18). Существенно, что в том же договоре для корабельных снастей (русское *ужа*), получаемых русью у греков, используются греческие слова *парусы* и *якори*: такие снасти не использовались при плавании по рекам (Ларин 2005. С. 45, 54).

Именно дружинное значение имени *русь* передает варяжская легенда, обнаруживающая лексику «ряда» (договора с призванными князьями – Мельникова, Петрухин 1995), близкую к договору с греками: договор 911 г. заключался от имени «всей руси», в лексике договора вместо традиционной болгаро-византийской формулы *построити мира* использовалась древнерусская – *положити ряд* (см. Ларин 2005. С. 53). Призванные «по ряду» из-за моря варяжские князья «попаша по собѣ всю русь» (ПВЛ. С. 13). Последние слова, однако, были непонятны новгородскому летописцу XIII в., работа которого по сокращению и редактированию текста ПВЛ (Начального свода?) сохранилась в Новгородской первой летописи: он заменил их на неуклюжую фразу «попаша со собою дружину многу и предивну» (с использованием церковнославянизма *предивна*, обнаруживающего вставку). При этом новгородец угадал архаическое дружинное значение имени *русь*, которое в древнерусской и последующей историографической традиции воспринималось как этноним. Отсюда невинность «этнографического резюме» варяжской легенды в новгородской передаче: «и от тѣх Варягъ, находникъ тѣхъ, прозваша Русь, и от тѣх словет Руская земля; и суть новгородстии людие до днешняго дни от рода варяжска» (НПЛ. С. 106). Это «резюме» устраивало как новгородца (поскольку Новгород «выводился» из-под власти русских князей), так и киевского летописца. Ведь для киевлянина варяжские и русские князья были одним и тем же «русским родом», которому должно было подчиняться «людье ноугородьци», лишенное своей племенной – словенской – самостоятельности: они «преже» – до призвания варягов – «бѣша словѣни» (ПВЛ. С. 13).

М. В. Первушин
(Москва)

К вопросу о миссионерской методологии святого равноапостольного Кирилла

Цель автора статьи – показать, что представленные в Житии Константина Философа характерные миссионерские моменты могут интерпретироваться и другим образом, отличающимся от того, который преобладает в существующих до настоящего времени исследованиях и литературно-исторических обобщениях.

Ключевые слова: *литература, язык, житие, герой, автор, Кирилл, миссия, полемика.*

Не к несведущим мы пишем,
но к насытившимся с избытком книжной сладости.
Святитель Иларион Киевский (XI в.)

Более 150-ти лет Жития святых братьев Кирилла и Мефодия являются предметом широчайших исследований как в качестве литературных памятников, так и в качестве исторических источников. Более того, известно, что для восстановления большей части жизненного пути Константина Философа и архиепископа Мефодия нет других источников. Однако за полтора века научной критике так и не удалось с относительной уверенностью установить степень достоверности обоих житий. Все чаще слышится речь о необходимости их нового критического прочтения, свободного от романтических предположений, которые, благодаря авторитету их авторов, воспринимаются как доказанные истины и часто становятся основой для новых предположений, построенных на песке¹.

Остановимся на кратком разборе только одного памятника – Жития Константина Философа.

Можно допустить вслед за В. И. Ламанским, что Житие Константина Философа – памятник конца IX в. Оно, возможно, написано в Паннонии или Моравии еще при жизни брата Кирилла Мефодия или сразу после его смерти. Однако это Житие дошло до нас в списках, датируемых серединой XV столетия, не ранее. «Кто решится утверждать, – восклицает исследователь, – что в ближайшее время после его написания, например, в X–XI веках, да и позже, оно не было исправляемо, дополняемо, что в основании ныне известных списков

лежит точный подлинник IX века, а не исправленный, дополненный, следовательно более или менее изменявшийся в течение XI–XV веков памятник»². Вместе с этим литературное прочтение того или иного памятника письменности меняется в зависимости от интересов, вкусов и критико-аналитических методов воспринимающей эпохи, а также от ее способности вникать в принципы средневекового образного мышления, поэтому все, что уже сделано в этом направлении, наверняка не сможет вполне удовлетворить пытливого исследователя.

Цель данного размышления над Житием Константина Философа – показать, что представленные там характерные миссионерские моменты могут интерпретироваться и другим образом, отличающимся от того, который преобладает в исследованиях и литературно-исторических обобщениях, существующих до настоящего времени. Остановимся на некоторых, наиболее интересных (парадоксальных), с точки зрения читателя Жития, методах миссии Константина, не снимая возникающие вопросы, а только ставя их.

Житие Константина Философа, с одной стороны, вполне традиционно. В нем исторический материал тесно переплетен с литературным. У внимательного читателя Жития неизбежно возникает вопрос: кого именно – Философа или агиографа – следует признать действительным автором тех отрывков из сочинений Константина или тех его изречений, на которые ссылается биограф? Для Византии, как и для всей восточной литературы, было типичным приемом вкладывать в уста действующих лиц умозрения авторов произведения³.

С другой стороны, Житие не содержит ни исторической (то есть фактической) хроники, ни типовых искусственно-панегирических приемов византийских житий. Житие написано крайне односторонне⁴. Все события в нем подобраны для одной цели – представить деятельность Константина-Кирилла как второго апостола Павла: «Подобится ему, бодрость приемля, а леность отметаа, якоже рече апостол: подобни ми бываите, якоже и аз Христу»⁵ (1 Кор. 4: 16). Нетрудно догадаться, что если в Житии отложилось мировоззрение Кирилла, то не в меньшей мере отложился в нем и образ мыслей самого биографа. Вот основные черты Философа, достойные, по мнению автора, подражания: ум, мудрость, многосторонняя образованность, способность проникать в истинный и глубокий смысл Священного Писания, всепобеждающая сила слова, просветительские заслуги, объединившие миссии Византии и Рима.

Задача, поставленная биографом, крайне тенденциозна. Она требует для своей реализации одностороннего освещения. Таким

образом, Житие представляет собой не первичную запись, а вполне осознанную, направленную к определенной цели переработку, облеченную в литературную форму и отразившуюся на характеристике главного героя, сузив ее до основной тенденции произведения.

Не останавливаясь подробно на особенностях повествования Жития, перейдем непосредственно к полемике, к богословствованию Константина-Кирилла. Как кажется, пока лишь один исследователь – лингвист Е. М. Верещагин⁶ – обратился к этому вопросу. Правда, скажем его же словами, читая труд уважаемого ученого, понимаешь, что это исследование сделано христианином, «пристрастность которого вполне очевидна»⁷.

1. Первый диспут Константина Философа был с низложенным патриархом-иконоборцем Иоанном Грамматиком. Несомненно, что автор Жития, описывая прения Константина, касается вопросов, волновавших в его время Византию. Под влиянием иконоборческих смут многих христиан интересовали различия между идолом, образом и подобием, заботило почитание икон и креста⁸. Вводя рассуждения Философа по этим вопросам в его прения с патриархом-иконоборцем Аннием, биограф, безусловно, имел для этого уже готовые формулы⁹, а также, возможно, и ответы самого Константина.

В этом диспуте главный вопрос, на который Константин как будто должен был дать безукоризненный ответ – это вопрос о заповеди Моисея (Бога), которая запрещает творить себе кумира: «Богу рекшу к Моисеови: не сътвориши всякого подобия, како вы творящее, кланяетесь?»¹⁰ Однако такого ответа читатель не находит. Ответ Философа исполнен в лучших традициях *софистики*, по сравнению с другими ответами Константина: «Философ же противу ему отвеща: аще бы рекл: не сътвориши никакова же подобия, то право приши; но есть рекл не всякого, сиречь достойное». Неслучайно автор умолчал о том, что «старец» (то есть патриарх-иконоборец) был переубежден и признал свое поражение. Этого просто не могло быть.

На каком же языке был спор, и на какой текст они могли ссылаться?

Согласно Е. М. Верещагину¹¹, Константин даже в споре с иудеями держится Септуагинты. Заповедь, которую цитировал еретик Анний, дважды прописана в Ветхом Завете: в книгах Исход и Второзаконие. Вот ее начальная фраза по Синодальному переводу: «Не делай себе кумира и никакого изображения» (Исх 20: 4; Втор. 5: 8). В русском переводе имеет место усиление отрицания «не» за счет отрицательного местоимения «никакой». В Славянской Библии, так

Научное издание

Славянский альманах

2012

Издательство «Индрик»

Оригинал-макет *Е.Ю. Рычаловская*

Условия публикации и правила оформления статей
помещены на сайте «Славянского альманаха»:
www.slav-almanakh.narod.ru

По вопросу приобретения книг издательства «Индрик»
обращайтесь по тел.:
(495) 954-17-52
market@indrik.ru
www.indrik.ru

INDRIK Publishers has the exceptional right to sell this book
outside Russia and CIS countries.
This book as well as other **INDRIK** publications
may be ordered by
www.indrik.ru

Налоговая льгота – общероссийский классификатор продукции
(ОКП) – 95 3800 5

Формат 60×90¹/₁₆. Печать офсетная.
31,5 п. л. Тираж 1000 экз. Заказ №
Отпечатано в ППП «Типография „Наука“»
121099, Москва, Шубинский пер., 6